

Книги МАРИ БЕНЕДИКТ,
ПУБЛИКУЕМЫЕ СОВМЕСТНО ИЗДАТЕЛЬСТВАМИ
АЗБУКА и КИОН СТРОКИ

Тоже Эйнштейн
Горничная Карнеги
Ее скрытый гений
Верность сестер Митфорд

Мари Бенедикт

ГОРНИЧНАЯ КАРНЕГИ

В ПЕРЕВОДЕ
ТАТЬЯНЫ ПОКИДАЕВОЙ

МОСКВА

АЗБУКА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б 46

Marie Benedict
CARNEGIE'S MAID

This edition published by arrangement
with Laura Dail Literary Agency, Inc and Synopsis Literary Agency.
Copyright © 2018 by Marie Benedict
All rights reserved

Перевод с английского Татьяны Покидаевой

Оформление обложки Виктории Манацковой

Книга подготовлена совместно издательствами
КИОН Строки и «Азбука».

Текст публикуется в редакции издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-30033-0
ISBN 978-5-00216-434-9

© Покидаева Т., перевод, 2024
© Издание на русском языке.
Строки, 2026
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ПРОЛОГ

23 декабря 1868 года

Нью-Йорк, штат Нью-Йорк

С улицы доносились нежные мелодии рождественских гимнов. Но человеку, занятому делом, они не мешали. Расположившись за письменным столом из черного ореха в шикарно обставленном номере отеля «Сент-Николас», Эндрю Карнеги писал, как безумный, и дорогая перьевая ручка буквально летала по листу бумаги.

Он помедлил, подыскивая единственно верные слова. Оглядел кабинет, освещенный новейшими газовыми фонарями, и словно заново увидел его. Плотные желтые парчовые обои на стенах. Темно-зеленые бархатные шторы, подвязанные золотыми витыми шнурами. За окном — прекрасный вид на Бродвей. Это лучший гостиничный номер во всей Америке, а возможно, даже в Европе. Раньше, во время прошлых визитов в Нью-Йорк, Эндрю нравилось это осознавать. Раньше — да, теперь — нет. Шнуры, державшие шторы, наводили на мысли о крепких веревках,

и он чувствовал себя узником, запертым в золотой клетке.

Он пытался уговорить мать поселиться в другом отеле, не столь вызывающе роскошном. Он был согласен на любую гостиницу, где его не преследовали бы воспоминания о Кларе, — хотя вслух в этом не признавался. Ему почему-то казалось неправильным останавливаться в «Сент-Николасе» без Клары. Он почти год искал ее, но все напрасно. Даже лучшие полицейские детективы и частные сыщики не смогли выйти на след.

Да, он уговаривал мать, но она не желала ничего слушать. «Эндра, — сказала она со своим неподражаемым акцентом, — атрибуты богатства — это право Карнеги, которое мы заслужили, и, видит бог, мы займем подобающее нам место». Он согласился, не имея сил спорить. Но сегодня, когда они заселились в люксовый номер «Сент-Николаса», Эндрю все-таки настоял на своем, проявив доселе неслыханную сыновью непочтительность: отправил мать в ее смежные комнаты и не внял ее просьбам посетить праздничный ужин у Вандербильтов — представителей почти высшего эшелона нью-йоркского общества, куда просто так не пробьешься. Ему требовалось побыть одному. Наедине с мыслями о Кларе.

Клара. Он прошептал ее имя, покатал во рту, словно глоток элитного джина. Он хорошо помнил их первую встречу. Следом за миссис Сили Клара вошла в гостиную «Ясного луга», их дома в Питсбурге. Она держалась так скромно и ступала так тихо, что он едва услышал стук ее туфель

и шелест юбок, когда девушка пересекала комнату. А потом мать резким голосом начала задавать вопросы. Вот тогда Клара впервые подняла глаза. Она тут же снова потупилась, но он успел рассмотреть промелькнувший в ее взгляде проблеск острого ума, который скрывался за манерами серой мышки, обязательными для горничной леди.

Следом за этими воспоминаниями пришли и другие, еще более сокровенные, а с ними — желание, настолько сильное, что оно причиняло физическую боль. Впрочем, вскоре Эндрю отвлекли посторонние звуки: раскаты смеха и звон хрустальных бокалов доносились из большого столового зала, располагавшегося прямо под кабинетом. Он задумался о том, что за торжество проходило в этой позолоченной комнате. Может, крупные предприниматели из других городов съехались в Нью-Йорк на рождественскую неделю? Или кто-то из недосыгаемой «первой десятки» богатейших нью-йоркских семей решил выбрать из своего замкнутого мирка неприступных особняков и посетить самый изысканный из городских ресторанов? Стоило ли ему спуститься и посмотреть?

«Прекрати, — осадил он себя. — Именно такие честолюбивые мысли всегда претили Кларе». Когда-то он поклялся ей, что изберет иной путь, отличный от устремлений алчных промышленников и тщеславного высшего света. И сдержит клятву, пусть даже Клары не будет рядом. Он вернулся к письму, которое писал в память о ней и переписывал заново уже бесчисленное количество

раз. Нажимая на кончик перьевой ручки так сильно, что чернила просачивались сквозь тонкую бумагу, он выводил строчку за строчкой.

Мне тридцать три, и мой годовой доход равен 50 000 долларов! За два года можно будет наладить все так, чтобы прибыль от всех предприятий составляла стабильно не меньше 50 000 долларов в год. Мой план такой: не стремиться получить сверх того — не стараться копить и приращивать капитал, а все ежегодные излишки дохода вкладывать в благотворительные начинания. Уйти из бизнеса навсегда и посвятить себя помощи ближним.

Поселиться в Оксфорде, получить надлежащее образование, завести личные знакомства в литературных кругах — на это уйдет три года активной работы — и уделить особое внимание выступлениям на публике. После обосноваться в Лондоне, приобрести контрольный пакет акций в газете или журнале с правом управлять изданием и заниматься решением общественных вопросов, особенно связанных с образованием и улучшением участи бедных собратьев.

Человеку свойственно сотворять себе кумиров, и накопление богатства относится к худшим из видов идолопоклонства, ведь нет идола более разрушительного, чем деньги. Чем бы я ни занимался, мне следует отдаваться всякому делу полностью и без остатка; а потому я должен проявить осмотрительность и выбрать жизнь, которая будет возвышать меня. Целиком посвятив себя вопросам бизнеса, сосредоточившись на намерении заработать как можно больше и как можно быстрее, я очень

скоро деградирую без всякой надежды на возрождение. В тридцать пять я окончательно отойду от дел, но и в течение ближайших двух лет хочу ежевечерне заниматься чтением и самообразованием.

Эндрю отложил ручку и перечитал написанное. Получилось местами нескладно, но он все равно был доволен. Хотя Бог лишил его Клары, он вооружится ее убеждениями, будто мечом. Он больше не станет поклоняться разрушительным идолам тщеславия и богатства. Да, он продолжит наращивать свой капитал и укреплять репутацию в деловом мире, но лишь ради одной высшей цели — помощи и содействия другим людям, особенно иммигрантам, желающим закрепиться в новом отечестве и продвинуться наверх. Даже в плотном тумане отчаяния Эндрю позволил себе улыбнуться. У него все-таки нашлось утешение. Это письмо порадовало бы его Клару.

ГЛАВА 1

4 ноября 1863 года

Филадельфия, штат Пенсильвания

Я не должна была ехать. Не мне, а Сесилии или Элизе полагалось бы киснуть в смрадной общей каюте на трансатлантическом корабле. Это их право — а для Элизы и вовсе прямая обязанность, ведь она старшая из нас троих, — пуститься в путь и устроиться в новой стране. Но родители привели убедительные аргументы, почему сестрам следовало остаться дома: Элиза, недавно отметившая двадцать первый день рождения, находилась на пороге замужества, которое позволило бы нашей семье сохранить ферму на арендованных землях (я, наверное, тоже могла бы найти жениха, но отец говорит, что я слишком умна для брака), а пятнадцатилетняя Сесилия еще маловата для самостоятельного путешествия и к тому же слаба духом. Так что, кроме меня, спасти семью больше некому. Безусловно, родители были правы. Я согласилась с их сооб-

ражениями и поднялась на борт «Странника», невероятно гордясь своей миссией. Однако теперь, сорок два дня спустя, отчаянно жалела о том, как заносчиво и надменно повела себя с сестрами перед отъездом. Я осознала, что считаться родительской *síofra* — волшебным ребенком-подменышем, способным принять любой облик, которого потребует Америка, — не самый счастливый удел. К тому же я безумно скучала по сестрам.

Яркий свет, хлынувший в приоткрытый палубный люк общей каюты, на секунду ослепил меня. Я невольно зажмурилась. Даже когда он немного померк, я продолжала сидеть с закрытыми глазами, стараясь впитать в себя больше тепла от осеннего солнца. Мне хотелось, чтобы солнечные лучи очистили меня, выжгли кислую вонь долгого трансатлантического перехода, осушили горькие слезы разлуки с домом.

Наверху ударили в корабельный колокол, подавая сигнал к высадке пассажиров. Я открыла глаза и нехотя оглядела каюту. Матери с вялыми младенцами на руках с трудом поднимались на ноги; напуганные звоном детишки постарше — исхудавшие, с ввалившимися глазами — цеплялись за материнские юбки. Отцы семейств и старики разглаживали ладонями свои грязные, помятые костюмы, пытаясь сохранить хоть какое-то подобие человеческого достоинства. Только немногочисленные молодые мужчины, *fir òga*, оставались достаточно бодрыми — и рьяными, — чтобы встать в очередь на выход.

Путешествие было нелегким, оно вымотало даже самых крепких *fir òga*. Почти три недели назад, после нескольких дней непрерывного волнения на море, на «Странника» обрушился шторм такой силы, что пассажиры нижней палубы попадали со своих коек прямо в холодную воду, поднявшуюся над полом на два фута¹. В крошечной тьме безлунной ночи матросы и мои попутчики вручную качали большой корабельный насос. Корабль швыряло из стороны в сторону, будто тяжелое бревно на стремнине реки. Одна девушка из Дублина — на вид не старше шестнадцати лет, путешествовавшая, как и я, в одиночку, — врезалась в деревянный столб, подпиравший потолок общей каюты. Она упала без чувств на затопленный пол и больше не приходила в сознание, а утром умерла. Капитан прислал двух матросов, которые зашили ее в простыню, положив в ноги несколько больших камней, и выбросили за борт без единого слова напутствия или молитвы. Ее гибель и столь небрежное обращение с телом покойной произвели на всех нас тяжелейшее впечатление. Это казалось недобрым предзнаменованием: стало быть, вот как относятся к бедным переселенцам в новой стране.

По деревянному настилу над нашими головами уже гремели шаги, грохотали тяжелые дорожные сундуки. Мои спутники засуетились, бросились собирать свои скудные пожитки: за-

¹ Фут — мера длины, равная 30,48 см. — Здесь и далее примеч. перев., если не указано иное.

плечные сумки, плетеные корзины, ящики с инструментами, бесценные семейные фотоснимки, Библии и даже странный потрепанный кофр. Но я знала, что нам незачем торопиться. Нас пригласят на выход в последнюю очередь, когда на берег сойдут пассажиры первого и второго классов. Бедняки, едущие третьим классом на нижней палубе, всегда чего-нибудь ждали: каменных сухарей, затхлой воды и прогорклой овсянки, которой нам приходилось питаться на протяжении всего путешествия; спокойного сна без надсадного кашля соседей и криков младенцев; глотка свежего воздуха, не пропахшего рвотой и содержимым ночных горшков; бури на море, когда открывался люк и нас все-таки выпускали на палубу; возможности уединиться, которой здесь не было.

Я уже устала ждать, но нам оставалось лишь замереть перед лестницей без движения — не считая легкой качки корабля у причала. Рядом со мной встала юная мамочка с грудным младенцем. Ее темное платье, за время пути превратившееся в лохмотья, сплошь покрывали белые пятна — следы постоянной морской болезни ее малыша. На вид ей было не больше семнадцати лет — младше меня на два года, — но вокруг ее глаз уже собрались глубокие морщины. На всем протяжении этого жуткого путешествия ей приходилось выдерживать груз не только собственных забот и страданий, но и страданий ее ребенка. Мне стало стыдно, что я предавалась такому унынию из-за личных бытовых неудобств и тоски по дому.

И сказала ей:

— *Ádh mór*¹.

Кроме искреннего пожелания удачи, я ничего не могла предложить этой девушке и ее малышу. Здесь можно было не опасаться строгого учителя, который отметил бы в табеле о поведении, что мы говорим по-ирландски, а не по-английски, как положено ученикам благотворительных сельских школ для детей бедноты. Здесь нас никто не отлупит линейкой за родной язык. Впрочем, эту юную мамочку вряд ли лупили линейкой за подобную провинность, — скорее всего, она никогда не училась в школе.

Мои слова ее, похоже, удивили. По настоянию матери я старалась как можно меньше общаться с попутчиками, и за все время мы с этой девушкой ни разу не говорили. Я упорно держалась особняком, благодаря чему сохранила здоровье, хотя моя отчужденность обижала и даже, наверное, возмущала компанейских, общительных соотечественников. Девушка молча кивнула в знак благодарности — сил отвечать у нее не было.

Крышка люка открылась. В трюм ворвался чистый просоленный воздух. Я вдохнула его полной грудью, наслаждаясь мгновением невероятного счастья. Запах свежего ветра напоминал мне о доме, и я жадно вбирала его в себя.

— Строимся в очередь по одному! — крикнул сверху смотритель трюма.

Этот человек с неприятно землистым и вечно кислым лицом издевался над нами все сорок

¹ Желаю удачи (*ирл.*).

два дня пути: не давал нам еды и воды в положенных количествах и по собственному произволу сокращал время наших прогулок на палубе, если ему казалось, что мы недостаточно перед ним пресмыкались. Если бы сейчас от него не зависел наш доступ к новой земле, я высказала бы ему все, что думала о его скотской жестокости, и уж точно не стала бы держать язык за зубами — вопреки наставлениям родителей.

Мы построились, как было велено, и опять замерли в ожидании. Наконец, получив какой-то сигнал, смотритель взмахнул рукой и приказал нам подниматься на палубу. Дыша друг другу в затылок, мы в последний раз вышли из душного, смрадного трюма и уже в меркнувшем свете дня спустились по трапу на пристань Филадельфийского порта.

После стольких дней, проведенных в море, земля будто покачивалась под ногами. Находиться на устойчивой тверди было странно и как-то неловко. Кажется, тело успело привыкнуть к качке и теперь не понимало, как без нее обходиться.

Какие-то люди в черных форменных мундирах провели нас к зданию с вывеской «Карантинный досмотр». Долгими темными ночами мои попутчики обсуждали этот досмотр, заранее обмирая от страха. Со слов своих родственников, уже перебравшихся в Америку, они знали: если у кого-то из вновь прибывших обнаружатся признаки нездоровья, его посадят на карантин в портовом лазарете — на недели, а то и на месяцы; лазарет же — это такое ужасное место, куда входишь

здоровым, а выходишь больным. Либо не выходишь вообще.

За себя я не боялась. Я точно ничем не заразилась. Благодаря маминым наставлениям я смогла уберечься от хворей. Но, судя по громкому кашлю, который доносился в нашей общей каюте со всех сторон, мои попутчики не отличались отменным здоровьем, а судьба каждого из нас зависела от всех остальных. Если санитарный инспектор обнаружит симптомы инфекции хотя бы у одного пассажира, то мы все засядем на карантин и будем сидеть до тех пор, пока не излечимся все до единого.

Мы выстроились в очередь к инспекторам. Я невольно морщилась, наблюдая за тем, как они осматривали пассажиров, — словно это не люди, а домашний скот. Инспекторы оголяли вновь прибывшим десны и поднимали веки в поисках проявлений болезней, перебирали волосы, отыскивая вшей и других паразитов, тщательно проверяли кожу и ногти на предмет желтой лихорадки или холеры, беззастенчиво рылись в багаже. Любого подозрения будет достаточно, чтобы всех запереть в лазарете. Я мысленно вознесла благодарственную молитву Деве Марии за то, что маленький мальчик, который уже давно кашлял по ночам, сейчас не издал ни единого звука.

Очередь потихонечку продвигалась, и подошел мой черед. Я сняла мятый капор и серое шерстяное пальто, развела руки в стороны и приготовилась к осмотру.

— С виду вполне себе ладная барышня, — шепнул мне на ухо бородатый инспектор, распус-

кая мои густые темно-рыжие волосы, собранные на затылке в высокий узел.

В его действиях и словах было что-то странно интимное и категорически непристойное. Но я не могла возмущаться. Одно резкое слово — и я все испорчу. Все надежды родителей пойдут прахом. Ведь они пошли на многие жертвы, чтобы купить мне билет на корабль, и я не имела права их предать.

Я спокойно кивнула, словно его замечание прозвучало вполне уместно — как мнение о моем безупречном здоровье. Но руки мои тряслись, пока я вновь закалывала волосы, а инспектор продолжал осмотр. Только когда он закончил со мной и занялся моим вещевым мешком, дышать стало легче.

С легкой тенью улыбки инспектор махнул мне рукой — мол, ступайте с богом. Кажется, я прошла карантинный досмотр, но как обстояли дела у других пассажиров?

Вместе с остальными меня провели в смежное помещение — большой грязный зал ожидания, где воняло мочой и невымытыми телами. И нам снова пришлось ждать. Я поклялась себе: если сумею избежать карантина и ступлю наконец на американскую землю, то больше никогда не буду ждать.

По прошествии целого часа, в течение которого народ прибывал и прибывал, а общее напряжение нарастало, раздался звон колокольчика. Уставшие люди растерянно переглянулись: полагалось ли нам знать, что это означало?

Наконец дверь распахнулась, и с улицы в зал хлынул свет.

— Добро пожаловать в Америку! — объявил чиновник в очках.

Никто не произнес ни единого слова, но толпа выдохнула с явным облегчением. Друг за другом, в последний раз вместе, мы вышли под бледное осеннее солнце Америки.

Я вдохнула с надеждой.

Повсюду вокруг слышались возгласы радости и приветствий — моих теперь уже бывших попутчиков встречали родные и близкие. Но я шла дальше. Меня здесь никто не ждал.

ГЛАВА 2

4 ноября 1863 года

Филадельфия, штат Пенсильвания

Я целеустремленно шагала вперед. Я совершенно не представляла, куда мне идти и что делать дальше, но не могла позволить себе неуверенность — ее приняли бы за слабость. Даже до нашей крошечной голуэйской деревеньки в предместье Туама доходили слухи о незадачливых иммигрантах, которые прибыли в Америку и стали жертвой беспринципных мошенников, только и ищущих, кого бы облапошить. Дома перед отъездом я храбрилась, убеждая родных и друзей, что мне все нипочем, но теперь засомневалась: справлюсь ли я совсем одна в незнакомой стране?

Если не считать крика чаек и топота лошадей, этот порт совсем не походил на гавани Голуэя. Торговцы рыбой расхваливали свой товар вроде бы на английском, однако для меня он звучал как совершенная тарабарщина. Мальчишки-газетчики выкрикивали свежие новости, но

Бенедикт М.

Б 46 Горничная Карнеги : роман / Мари Бенедикт ; пер. с англ. Т. Покидаевой. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА ; М. : КИОН Строки, 2026. — 416 с.

ISBN 978-5-389-30033-0

ISBN 978-5-00216-434-9

Питсбург, 1863 год. После нескольких недель мучительного путешествия на американский берег сходит нескончаемый поток ирландских иммигрантов. В их числе — юная Клара Келли, прибывшая в Новый Свет с единственной целью: спасти свою семью от голода и нищеты. По трагической случайности девушку принимают за другую Клару Келли — вероятно, погибшую в пути — и определяют в услужение к властной Маргарет Карнеги, матери будущего промышленного магната Эндрю Карнеги. О большем Клара и мечтать не могла. Днем, компенсируя неопытность бойким умом, она пытается угодить любой прихоти хозяйки, а вечером тайком штудирует руководство для личных горничных в роскошной библиотеке особняка, куда часто навдывается старший мистер Карнеги. Стараясь сохранить тайну своего происхождения, Клара неожиданно сближается с ним. Между фермерской дочерью и человеком, которому предстоит изменить целую индустрию и стать воплощением американской мечты, вспыхивает опасная связь, которая может стоить Кларе не только работы, но и благополучия ее родных.

Мари Бенедикт, автор многочисленных бестселлеров, переведенных на три десятка языков, написала портрет женщины, чьи смелые идеи и доброе сердце могли превратить «стального короля» Эндрю Карнеги в великого благотворителя.

Впервые на русском!

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

МАРИ БЕНЕДИКТ
ГОРНИЧНАЯ КАРНЕГИ

КИОН СТРОКИ

Руководитель по контенту Екатерина Панченко
Ведущий редактор Мария Логинова
Литературный редактор Юлия Тржемецкая
Корректоры Анна Быкова, Аркадий Лыгин
Специалист по международным правам Наталия Полева

АЗБУКА

Ответственный редактор Мадина Долаева
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Ольга Золотова, Татьяна Бородулина

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 23.12.2025.
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 5057 экз.
Усл. печ. л. 25,48. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А, Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ. «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

Y-SPA-39184-01-R